

А.В. СЕМЕНОВ*

**РАСПРЕДЕЛЕННОЕ БРЕМЯ:
КАК РОССИЯНЕ АТРИБУТИРУЮТ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВЫХОД
ИЗ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА?**

Аннотация. В настоящем исследовании рассматривается, каким образом россияне атрибутируют ответственность за выход из экономического кризиса различным институтам власти. Предыдущие исследования установили связь между проявлениями кризиса и электоральными результатами партии власти и других режимных игроков, но не ответили на вопрос, как бремя ответственности распределено между различными ветвями и уровнями власти. На основе массового опроса и новой методики – сравнительного индекса атрибуции ответственности, который позволяет одновременно измерять интенсивность атрибуции и сравнивать оценки между различными институтами, – я демонстрирую, что президент выделяется по степени интенсивности и порядку атрибуции ответственности за выход из экономического кризиса; кроме того, вокруг его роли существует значительный консенсус. По степени ответственности за ним следуют правительство, Дума и губернаторы, а наименее ответственными полагаются правящая партия и мэры. Далее, используя спектральную декомпозицию, я показываю, что россияне помимо выделения президента различают позиции федеральной и субнациональной ветвей власти в плане выхода из кризиса. Наконец, анализ на индивидуальном уровне свидетельствует, что гендер, возраст, политические предпочтения и воздействие кризиса являются наиболее значимыми предикторами атрибуции

* Семенов Андрей Владимирович, кандидат политических наук, научный сотрудник Пермского федерального исследовательского центра, Уральское отделение Российской академии наук; доцент кафедры политических наук, старший научный сотрудник Центра сравнительных исторических и политических исследований, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь, Россия), e-mail: andreusemenov@comparativestudies.ru

ответственности на индивидуальном уровне, но их значимость также варьируется в зависимости от оцениваемого института. В целом исследование вносит вклад в понимание того, как устроена атрибуция ответственности за экономическую политику в современных автократиях, и насколько избиратели в сложноустроенных политических системах справляются с задачей навигации между различными институтами.

Ключевые слова: экономический кризис; атрибуция ответственности; экономическое голосование; подотчетность; политические институты.

Для цитирования: Семенов А.В. Распределенное бремя: как россияне атрибутируют ответственность за выход из экономического кризиса? // Политическая наука. – 2022. – № 2. – С. 144–163. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.02.07>

Экономический кризис часто фигурирует в качестве одной из основных проблем в массовых социологических опросах россиян наряду с безработицей, ростом цен, бедностью и коррупцией¹. Это вполне объяснимо: за постсоветскую историю россияне неоднократно сталкивались с ситуацией, когда экономика страны испытывала серьезные потрясения, результатом чего становилось снижение уровня жизни. Политическими последствиями таких кризисов на массовом уровне были усиление протестной активности [Robertson, 2011], снижение поддержки правящей партии [Rosenfeld, 2019], президента [Sirotkina, Zavadskaia, 2020] и других органов власти [Сироткина, Семенов, 2019].

Традиционно реакция на экономические изменения, включая кризисные, объясняется в рамках теории экономического голосования [Duch, Stevenson, 2008]. Одной из ключевых проблем этой теории является недостаток знаний о механизмах атрибуции ответственности, которые связывают оценку избирателями внешних условий с политическими индикаторами поддержки, доверия и эффективности. Контекст может значительно затруднить идентификацию институтов, несущих прямую ответственность за разработку политики [Семенов, Шевцова, 2019; Hobolt et al., 2013; Powell, Whitten, 1993; Rudolph, 2003], а идеологическая ориентация – перевесить рациональную оценку степени причастности этих институтов к имплементации политического курса [Malhotra, Kuo, 2008].

¹Тревожащие проблемы // Левада-Центр* – Режим доступа: <https://www.levada.ru/2020/09/10/trevozhashhie-problemy-3/> (дата посещения: 10.10.2021).

* Внесена в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

Задача настоящей статьи – рассмотреть, каким образом российские избиратели распределяют ответственность за выработку политики выхода из экономического кризиса, в частности – эмпирически зафиксировать иерархию ключевых институтов политической власти и индивидуальные предикторы интенсивности атрибуции. Опираясь на результаты массового опроса, проведенного в июне 2020 г., и методику Томаса Рудольфа [Rudolph, 2016], я конструирую сравнительный индекс атрибуции ответственности за преодоление экономического кризиса для шести основных институтов власти в России: президента, правительства, Государственной думы, правящей партии, губернаторов и мэров. Используя этот индекс, я демонстрирую, что на федеральную исполнительную власть возлагается наибольшая ответственность, а наиболее сильными предикторами атрибуции на индивидуальном уровне выступают пол, политические предпочтения и степень потерь от кризиса. Кроме того, я показываю, что хотя россияне и выделяют президента на фоне остальных институтов, они также способны разделять уровни и ветви власти с точки зрения ответственности за политику выхода из кризиса. Таким образом, исследование вносит вклад в понимание того, как атрибутируется ответственность в многоуровневых авторитарных политиях наподобие российской, а также идентифицируются паттерны в атрибуции ответственности между ветвями и уровнями власти.

Атрибуция политической ответственности в России

Атрибуция ответственности является ключевым механизмом, лежащим в основе политической подотчетности – способности и возможности избирателей поощрять или наказывать государственных агентов за выбор и реализацию политических курсов. Она заключается в идентификации институтов и акторов, действия которых считаются избирателями решающими в выработке и имплементации политического курса. Атрибуция ответственности тесно связана с «атрибуцией вины» (blame attribution), однако последняя отсылает к действиям, которые оказываются причиной возникновения проблем или к неспособности с этими проблемами справиться [Javeline, 2009]. Ответственность – более нейтральный концепт, позволяющий понять, как граждане воспринимают опре-

деленную сферу политики (policy domain) с точки зрения набора институтов и акторов, имеющих решающую роль в этой области, и распределения ответственности между ними.

В отличие от классической модели подотчетности, предполагавшей что избиратели автоматически связывают видимые последствия политического курса с деятельностью инкубентов [Key, 1966; Kramer, 1971], современная теория признает комплексность этого процесса, особенно в условиях, когда формально за реализацию политики отвечает множество должностных лиц на разных уровнях власти [Malhotra, Kuo, 2008; Powell, Whitten, 1993]. Институциональная сложность сопряжена с ухудшением «ясности в атрибуции ответственности» (clarity of responsibility): к примеру, в федеративных государствах граждане в меньшей степени склонны связывать экономические условия с действиями национального правительства [Anderson, 2006; Orth, 2001].

В условиях формального разделения полномочий между ветвями и уровнями власти массовый избиратель зачастую прибегает к тем или иным эвристическим механизмам, например партийно или эмоционально окрашенному рассуждению (partisan / motivated reasoning) [Bisgaard, 2015; Tilley, Hobolt, 2011]. Большое значение также имеет доступность и качество информации [Malhotra, Kuo, 2008] и степень государственного контроля над медиа [Sirotkina, 2021], которые в значительной степени связаны с политическим режимом [Hollyer et al., 2018].

В России, таким образом, задача идентификации ответственных за ту или иную политику простыми избирателями усложняется: институциональная сложность комбинируется с государственной пропагандой и низким качеством публичной информации о состоянии той или иной сферы. И хотя российский конституционный дизайн предполагает концентрацию широкого круга полномочий у президента (что вполне осознается российскими гражданами), даже формальное наличие множества других центров принятия решений размывает прямую атрибуцию ответственности главе государства [Семенов, Шевцова, 2019].

Как россияне распределяют ответственность за разработку политики выхода из экономического кризиса? Теоретически можно ожидать, что общие оценки должны отражать формальное распределение полномочий: уполномоченные институты и акторы будут производить больше значимых действий в рассматриваемой

сфере, а значит – в большей степени присутствовать в повестке и быть видимыми для избирателя. Меньший объем полномочий также может быть связан с меньшим объемом доступных ресурсов, что также будет систематически снижать степень ответственности данного института / актора в глазах массового избирателя. С другой стороны, в кризисной ситуации политики нередко прибегают к «перекладыванию ответственности», дабы избежать политических последствий [Hood, 2010], что может существенно затруднить идентификацию ответственных инстанций. Тем не менее, учитывая предыдущие исследования [Beazer, Reuter, 2019; Rosenfeld, 2019; Сироткина, Семенов, 2019], я полагаю, что касательно выхода из экономического кризиса россияне в первую очередь будут ориентироваться на формальное распределение полномочий и выделять президента на фоне других органов власти.

Второй аналитический вопрос настоящего исследования заключается в поиске индивидуальных ковариатов атрибуции ответственности за выход из экономического кризиса. Среди множества возможных предикторов политические ориентации играют особую роль: избиратели склонны в целом приписывать достижения «своим» кандидатам и партиям, а неудачи – противоположной стороне [Malhotra, Kuo, 2008; De Vries et al., 2011]. Поэтому можно ожидать, что поддержка инкумбента (в нашем случае – Владимира Путина) может быть позитивно связана с атрибуцией ответственности основным институтам за выход из кризиса, поскольку преодоление кризиса является благом.

Наличие образования также должно позволять концентрировать атрибуцию на институтах федеральной власти, поскольку должно быть сопряжено со способностями индивидов разбираться в политике. Место проживания может иметь значение, поскольку в малых населенных пунктах публичная власть ближе к избирателю и может, таким образом, наделяться большей ответственностью при прочих равных условиях. Наконец, я полагаю, что субъективное восприятие последствий кризиса (насколько изменилось благосостояние граждан, по их собственной оценке, в результате кризисных событий) также может усилить атрибуцию ответственности у наиболее пострадавших от экономического упадка избирателей.

Чтобы протестировать эти предположения, которые носят во многом эксплуататорный характер, необходимо сначала убедиться, что кризисные явления в экономике, действительно, наблюдались,

а избиратели способны были их воспринять и учесть при идентификации ответственных за выход из этого кризиса. Данный вопрос будет рассмотрен в следующей секции, после чего на основе данных опроса в июне 2020 г. будут проанализированы основные паттерны в атрибуции ответственности на агрегированном и индивидуальном уровнях.

Экономический кризис 2020 г. в России

Российская экономика после глобального экономического кризиса 2008–2009 гг. испытывала значительные трудности с выходом на траекторию поступательного роста [Застой..., 2021]. С 2013 г. наблюдается стагнация, а затем падение реальных доходов населения; в 2014 г. в связи с переходом на свободный обменный курс рубля произошел еще один финансовый шок, в том числе разогнавший инфляцию в 2015 г. [Russian economic report..., 2017, 2018]. Весной 2020 г. на фоне глобальной пандемии, свергнувшей мир в глубочайшую рецессию со времен Второй мировой войны, произошел очередной нефтяной шок; в результате рубль опустился до 76 за американский доллар в декабре 2020 г. по сравнению с 64 руб. / долл. годом ранее. Иными словами, два кризиса наложились друг на друга: один долговременный и структурный, другой был связан с пандемией и реакцией на него рынка и государства.

Правительство ответило на экономический шок с помощью бюджетного стимулирования в размере 4% ВВП, которое было распределено между частью домохозяйств, фирмами и социальными организациями. Приоритет был отдан сохранению резервных фондов, а не раздаче денежных средств гражданам наподобие программ стимулирования в развитых западных странах. Эксперты отмечают, что общий объем помощи со стороны государства был меньше, чем в 2008–2009 гг.¹ Такая политика была обусловлена в том числе низкой долей частного потребления в экономике, аккумулированными бюджетными средствами, а также большей уверенностью правительства в его способности справиться с кризисом.

¹ Гурвич Е. Антикризисная консервация: специфика кризиса и ответа на него в России // Фонд «Либеральная миссия». – Режим доступа: <https://liberal.ru/lm-ekspertiza/ekonomika-antikrizisnaya> (дата посещения: 11.05.2021.)

Массовая реакция на кризис оказалась не очень бурной, а потребители быстро восстановили свой оптимизм: недельный индекс потребительских расходов Сбербанка обрушился на 33,5 п. п. в марте 2020 г., но восстановился уже к июлю¹. Второе падение в октябре – ноябре того же года оказалось не столь значительным, и к концу 2020 г. россияне тратили примерно столько же, сколько до пандемии. Рост цен, безработица, бедность и коррупция оставались наиболее значимыми проблемами весь кризисный период: согласно опросам Левада-центра*, в августе 2020 г. 61% респондентов ставили рост цен во главу списка проблем (+ 2 п. п. по сравнению с предыдущим годом), затем шла безработица (44%, + 8 п. п.), бедность (39%, – 3 п. п.), коррупция и взяточничество (38%, – 33 п. п.). Кризис в экономике занял 7-е место: 26% респондентов упомянули его в качестве основной проблемы². Очевидно, что проблемы на рынке труда стали наиболее серьезным вызовом для россиян в этот период: хотя официально безработица выросла до 6,4% в октябре 2020 г., опросы Левада-центра зафиксировали, что 26–29% респондентов потеряли работу³.

Кризис также на время поколебал уровень общественного оптимизма и удовлетворенность политическим курсом в отдельных сферах: первый показатель (процент тех, кто считает, что страна движется в правильном направлении) упал с 53% в феврале до 42% в марте 2020 г., но уже в августе вернулся почти на докризисный уровень⁴. Уровень неудовлетворенности внутренней политикой ненадолго вырос до 37% (против 31% довольных) в ноябре

¹ Индекс потребительских расходов // Сбербанк. – Режим доступа: <https://www.sberindex.ru/ru/dashboards/ver-izmenenie-trat-po-kategoriyam?partition=1> (дата посещения: 11.05.2021).

² Тревожащие проблемы // Левада-Центр.* – Режим доступа: <https://www.levada.ru/2020/09/10/trevozhashhie-problemy-3/> (дата посещения: 10.10.2021.)

* Внесен в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

³ Занятость населения // Левада-Центр.* – Режим доступа: <https://www.levada.ru/2020/08/17/zanyatost-naseleniya-2/> (дата посещения: 10.10.2021).

* Внесен в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

⁴ Положение дел в стране // Левада-Центр.* – Режим доступа: <https://www.levada.ru/indikatory/polozhenie-del-v-strane/> (дата посещения: 10.10.2021).

* Внесен в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

2020 г., согласно опросам ВЦИОМ, но потом вернулся к долгосрочному среднему значению в 30%¹. Разрыв в негативных и позитивных оценках социальной и экономической политики оставался незначительным.

Агрегированные оценки атрибуции ответственности

Чтобы понять, каким образом на пике кризисных явлений россияне атрибутировали ответственность за выработку антикризисной политики, по заказу Центра сравнительных исторических и политических исследований был проведен массовый репрезентативный опрос населения. Опрос проводился Левада-центром* 27–28 июня 2020 г.; использовалась стандартная стратифицированная выборка с покрытием в 50 регионов. В связи с ограничительными мерами опрос проводился по телефону, тем самым его результаты репрезентативны по отношению к совершеннолетнему населению городов с численностью свыше 100 тыс. жителей.

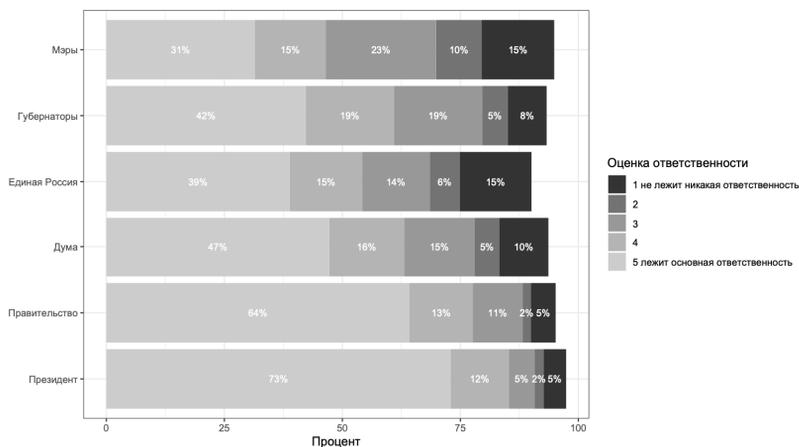

Рис. 1.

Распределение оценок атрибуции ответственности для институтов власти в анализе, доля «затруднившихся с ответом» не показана

¹ Оценка властей // ВЦИОМ. – Режим доступа: <https://wciom.ru/ratings/ocenka-vlastei/> (дата посещения: 10.10.2021).

Как россияне оценивали состояние экономики в самый разгар первой волны пандемии и кризиса? Почти половина респондентов (48,5%) в вопросе «Как вы оцениваете текущее состояние экономики в стране?» выбрали ответ «среднее», 37% – «плохое» или «очень плохое», и только 10% придерживались мнения, что экономика находилась в хорошей форме. Более половины (53%), отвечая на вопрос «Как вы оцениваете воздействие кризиса на вас и вашу семью?», указали, что кризис ухудшил их экономическое положение, но не подорвал. Для трети респондентов кризис не оказал никакого влияния на их экономическое положение, а 15%, наоборот, испытали тяжкие последствия. Существует связь между оценками состояния экономики и воздействием кризиса на благополучие респондентов: среди тех, кого кризис не затронул, большинство (77%) оценивало состояние как «среднее» или «хорошее / очень хорошее». Наоборот, среди тех, кого кризис не пощадил, 63% респондентов негативно оценивали положение российской экономики («плохое / очень плохое»). Респонденты, чье благосостояние кризис не подорвал, разделились: 42% указали, что состояние экономики «плохое / очень плохое», 49 – «среднее» и лишь 4% – как «хорошее».

Что касается атрибуции ответственности за выход страны из экономического кризиса, на прямой вопрос «Как вы считаете, несет ли Владимир Путин личную ответственность за выход страны из экономического кризиса?» положительно ответили 81% (17% не согласились). Респондентам также предлагалось оценить, насколько каждый из шести институтов власти (президент, правительство, Государственная дума, правящая партия, губернаторы и мэры) несет ответственность по пятибалльной шкале¹. Распределение оценок показано на рис. 1. Из него видно, что президента и правительство респонденты считают наиболее ответственными, а менее всего россияне убеждены в ответственности мэров и «Единой России». Распределение демонстрирует, что российские избиратели в целом понимают, как распределена власть в стране: учитывая зависимость правящей партии от исполнительной власти в плане законотворческой деятельности и значительно сократившуюся автоно-

¹ Формулировка вопроса звучала следующим образом: «Лежит ли на [институте] основная ответственность за выработку мер по выходу из экономического кризиса?»

мию муниципалитетов, респонденты хорошо понимают общий расклад сил.

Проблема подобного рода оценок в том, что они не позволяют напрямую сравнивать между собой атрибуцию респондентами ответственности разным институтам власти: для этого необходимо было использовать рэнкинг или парное сравнение институтов между собой. Иными словами, такая шкала позволяет измерить интенсивность наделения ответственностью, но не позволяет определить место того или иного института в общей иерархии, что особенно актуально для сложносоставных политий. Выходом из этой ситуации является создание сравнительного индекса атрибуции ответственности (СИА), предложенного Томасом Рудольфом [Rudolph, 2016]. Этот индекс позволяет свести интенсивность и относительный порядок в одну числовую оценку. Формула индекса приведена ниже:

$$\text{Сравнительный индекс атрибуции} = \text{Институт}_i + \left[\text{Институт}_i - \frac{\sum_{j=1}^J O_j}{J} \right],$$

где Институт – это оценка атрибуции ответственности одному из институтов из набора J (в случае настоящего исследования их шесть), а O – оценка каждого из других институтов в наборе J. Чем выше значение индекса для конкретного института, тем более интенсивно респонденты атрибутируют ответственность ему, а также тем более высокое место он занимает в общей иерархии институтов.

Рисунок 2 демонстрирует распределение значений индекса для шести властных институтов в анализе. В соответствии с моими теоретическими ожиданиями, президент и правительство, будучи наделенными наибольшими полномочиями в сфере экономической политики среди институтов публичной власти, имеют схожие оценки с медианным значением в 5,4 пункта (на шкале от –3 до 9), при этом респонденты более уверены в оценках первого, поскольку разброс вокруг среднего меньше. Государственная дума является третьим по значимости институтом с медианой в 4,2 пункта, губернаторы – следующими (4 пункта). «Единая Россия» и мэры находятся в конце рэнкинга; кроме того, неопределенность в их оценках значительно выше: интерквартильный ранг составляет 4,2 и 4 пункта соответственно по сравнению с 1,2 для президентского индекса и 1,8 для правительственного. Иными словами, ин-

декс еще раз подтверждает, что федеральной исполнительной власти приписывается ведущая роль в преодолении кризиса. При этом избиратели в меньшей степени уверены в значении и роли законодательной и субнациональной власти.

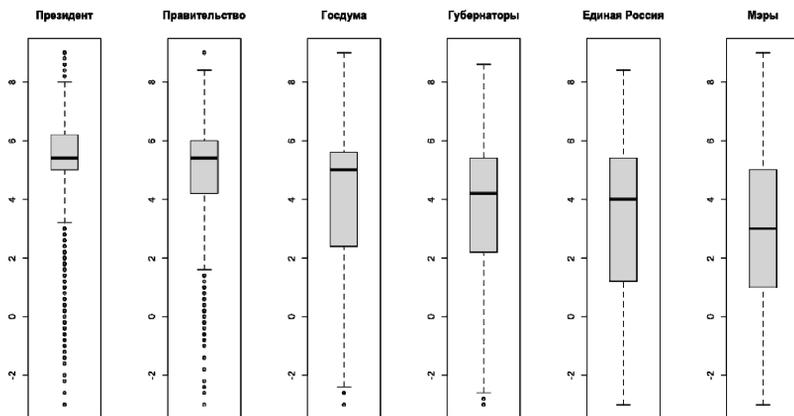

Рис. 2.

Сравнительный индекс атрибуции ответственности для институтов власти в анализе

Можно ли говорить о переносе ответственности с одних институтов власти на другие, что проявилось бы в отрицательной корреляции между индексами отдельных институтов? Ответить на этот вопрос позволяет анализ главных компонент¹. Биграмма на рис. 3 демонстрирует, что два основных компонента объясняют около 53% вариации в индексе атрибуции ответственности, при этом в первом индексы губернаторов и мэров положительно коррелируют между собой, но не с остальными органами власти, тем самым свидетельствуя о том, что россияне выделяют субнациональную власть в плане осуществления антикризисной политики. Во втором компоненте (ось Y) выделяются оценки президента, с которыми слабо, но коррелируют оценки правительства. Иными

¹ Анализ главных компонент проводился методом спектральной декомпозиции.

словами, вторая компонента разделяет федеральную исполнительную власть и остальные институты.

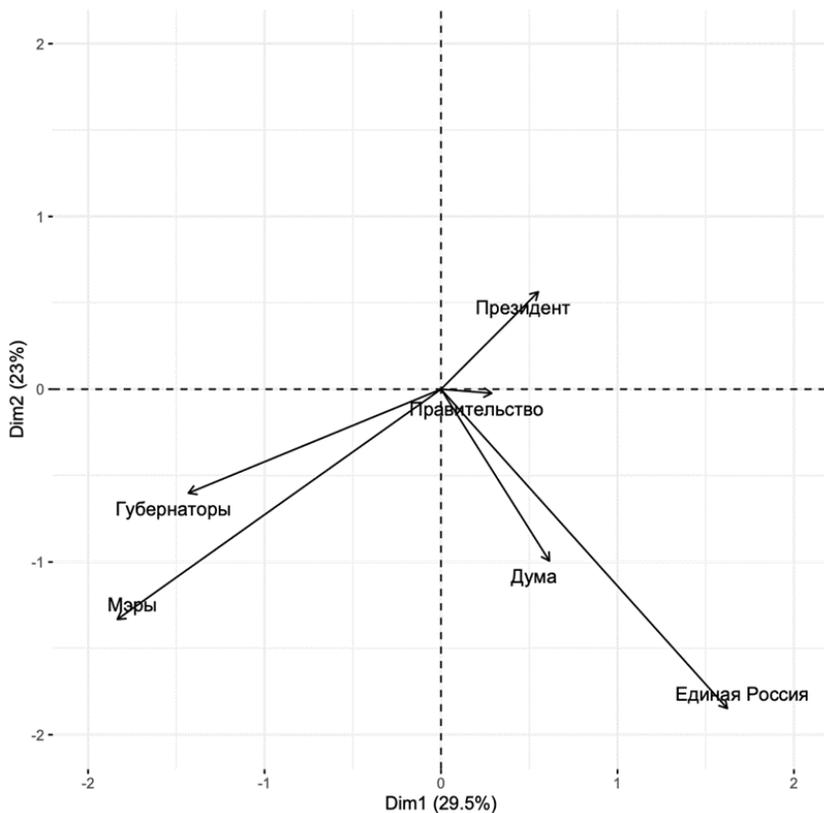

Рис. 3.

**Анализ главных компонент сравнительного индекса
атрибуции ответственности
методом спектральной декомпозиции**

Абсолютные значения корреляции между оценками невелики: наибольшая связь наблюдается в оценках губернаторов и мэров – 0,36 [0,31:0,41, $p < 0.001$], а между оценками президента и

мэров коэффициент корреляции равен -0.24 [-0.29 ; -0.19 , $p < 0.001$]. Иными словами, чем больше атрибутируется ответственность мэрам, тем больше она также возлагается на губернаторов и меньше – на президента. Даже между оценками Думы и «Единой России» (которая является парламентским большинством) коэффициент корреляции составляет лишь $0,17$ [0.12 ; 0.22 , $p < 0.001$]. Таким образом, несмотря на формальные связи между институтами в анализе, россияне все-таки оценивают каждый из них отдельно; кроме того, выделяют президента как отдельно стоящую власть, хотя и учитывают наличие различных уровней и ветвей.

Поскольку выявленная структура объясняет лишь чуть больше половины вариации, можно заключить что различие между уровнями и ветвями власти в плане атрибуции ответственности остается достаточно сложной задачей. «Субнациональный» и «президентский» компоненты, безусловно, являются наиболее яркими: так или иначе кризис представляется национальной проблемой, значит, вырабатывать политику должны в первую очередь федеральные власти, а президент и вовсе находится над ними всеми. Однако различие между законодательной (в лице Думы и ЕР) и исполнительной властью не просматривается в остальных компонентах, т.е. является менее очевидным для массового избирателя.

Индивидуальные корреляты атрибуции ответственности

Какие индивидуальные характеристики респондентов связаны с интенсивностью атрибуции ответственности? Используя Индекс для каждого из институтов в качестве зависимой переменной и ряд доступных предикторов (пол, возраст, место жительства, образование, доходная группа, политические предпочтения и воздействие кризиса), я применяю линейную регрессию со стандартными ошибками, кластеризованными на уровне федеральных округов. Результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1

Результаты регрессионного анализа (стандартные ошибки кластеризованы на уровне федеральных округов)

	CPR	CGR	CGovR	CLR	CUR	CMR
Мужчины	0,07 (0,11)	-0,09 (0,11)	-0,50*** (0,15)	-0,63*** (0,15)	-0,68*** (0,18)	-0,45*** (0,17)
Образование: среднее техническое	-0,28 (0,19)	0,16 (0,18)	0,35 (0,24)	-0,18 (0,25)	0,04 (0,29)	0,14 (0,27)
Образование: высшее	-0,12 (0,19)	0,54*** (0,18)	0,07 (0,24)	0,09 (0,25)	-0,52* (0,29)	-0,25 (0,27)
Города 100–500 тыс.	-0,18 (0,15)	-0,20 (0,14)	-0,21 (0,19)	0,10 (0,19)	0,05 (0,23)	0,74*** (0,21)
Города 500 тыс. – 1 млн	-0,16 (0,17)	0,08 (0,17)	-0,27 (0,22)	0,15 (0,23)	-0,42 (0,27)	0,98*** (0,25)
Города свыше 1 млн	-0,26 (0,16)	-0,22 (0,16)	-0,20 (0,21)	0,04 (0,21)	0,005 (0,25)	0,95*** (0,23)
Москва	-0,09 (0,21)	0,05 (0,20)	-0,10 (0,27)	0,13 (0,27)	0,19 (0,32)	0,28 (0,30)
Голосовал(а) за Путина	0,17 (0,12)	0,40*** (0,12)	0,35** (0,16)	0,07 (0,16)	0,42** (0,19)	0,39** (0,18)
Кризис не подорвал благосостояние	0,01 (0,13)	0,10 (0,12)	-0,11 (0,16)	0,09 (0,17)	-0,25 (0,20)	-0,26 (0,18)
Кризис подорвал благосостояние	-0,52*** (0,20)	-0,41** (0,20)	-0,13 (0,26)	-0,19 (0,27)	-0,41 (0,31)	-0,21 (0,29)
Возраст	0,01*** (0,004)	-0,01** (0,004)	0,0002 (0,005)	-0,01*** (0,005)	-0,002 (0,01)	-0,01** (0,01)
Доход	0,01 (0,05)	0,17*** (0,05)	0,08 (0,07)	0,04 (0,07)	-0,03 (0,08)	0,03 (0,08)
Свободный член	4,68*** (0,32)	4,52*** (0,31)	3,59*** (0,41)	4,64*** (0,42)	3,78*** (0,49)	2,96*** (0,46)
Количество наблюдений	1,003	1,003	1,003	1,003	1,003	1,003
Скорректированный R ²	0,03	0,06	0,02	0,02	0,03	0,03
F-статистика (df = 12; 990)	3,44***	5,87***	2,96***	2,53***	4,03***	3,69***
Условные обозначения:	*p<0.1; **p<0.05; ***p<0.01					
<i>CPR – индекс оценки президента, CGR – индекс оценки правительства, CGovR – индекс оценки губернаторов, CLR – индекс оценки Думы, CUR – индекс оценки «Единой России», CMR – индекс оценки мэров.</i>						

Результаты свидетельствуют, что политические предпочтения в соответствии с моими ожиданиями тесно связаны с атрибуцией ответственности: голосовавшие за Путина в 2018 г. в среднем наделяют власть большей ответственностью. Для всех индексов, кроме президентского и думского, разница составляет в среднем 0,4 пункта. В то же время предположение, что пострадавшие от

кризиса в большей степени будут атрибутировать ответственность публичной власти, не оправдалось: реальный эффект оказался противоположным. При прочих равных, те, чье благосостояние кризис подорвал, в среднем на 0,5 балла ниже оценивали ответственность президента и на 0,4 – федерального правительства. Такая ситуация может отражать разочарование оппозиционного и затронутого кризисом электората в способности президента что-то сделать с экономической ситуацией в стране: именно не голосовавшие за Путина в большей степени склонны признавать кризис в стране (76% vs 61%) и имеют чуть более пессимистичный взгляд на состояние экономики. Кроме того, оценки эффективности действий власти по выходу из кризиса между лоялистами и оппозиционерами существенно отличаются (табл. 2): у последних они в среднем на один балл ниже.

Таблица 2

Средние оценки эффективности действий власти по выходу из экономического кризиса в зависимости от голосования за Путина

Голосование	Президент	Правительство	Дума	Губернаторы	ЕР	Мэры
Не голосовали за Путина	2,92	2,63	2,24	2,39	1,97	2,41
Голосовали за Путина	4,38	3,84	3,34	2,94	3,23	3,02

Предположение, что образование и место жительства будут систематически связаны с атрибуцией, также не получили последовательного подтверждения. Респонденты с высшим образованием более склонны возлагать ответственность на правительство, но не на «Единую Россию» или мэров, а жители крупных городов по сравнению с небольшими и столичными чаще видят мэров движущей силой выхода из кризиса *ceteris paribus*, но не отличаются в характере атрибуции другим институтам в анализе. Из других переменных, мужчины менее склонны наделять ответственностью все институты, кроме президентской власти, а с возрастом респонденты чуть более склонны указывать на президента и менее – на другие институты.

Альтернативные спецификации модели (например, разделение возраста и дохода на категории), а также использование исходной пятичастной шкалы атрибуции не меняет паттерна, до-

бавляются лишь нюансы: возрастные когорты 25–35 и 36–50 в меньшей степени склонны атрибутировать ответственность президенту, в большей – федеральному правительству и Думе, а респонденты со средним доходом и с доходом менее среднего сильнее атрибутируют ответственность всей исполнительной власти от правительства до мэров.

Таким образом, результаты регрессионного анализа свидетельствуют о том, что наиболее консистентными предикторами атрибуции ответственности выступают политические предпочтения респондентов, их подверженность воздействию кризиса, возраст и гендер. Значимость первых двух по сравнению с такими сильными характеристиками, как образование и доход, указывает на то, что атрибуция ответственности за кризис – это не в последнюю очередь социально-политический процесс. Систематические различия между лоялистами и оппозиционерами в оценках ответственности и эффективности говорят о том, что эти группы по-разному видят кризис и пути выхода из него.

Заключение

Данное исследование демонстрирует, что россияне во многом распределяют ответственность за преодоление экономического кризиса согласно формальному разделению полномочий: президент выделяется на фоне остальных ветвей и уровней, и несет персональную ответственность. Наличие остальных институтов позволяет «оттенить» работу президента: несмотря на бремя ответственности, его работу по выходу из кризиса оценивают как эффективную. В то же время прямого переноса ответственности (обратной корреляции в атрибуции ответственности между институтами) не наблюдается: фокусирование на президенте не обязательно связано со снижением оценки роли парламента или правящей партии. В этом плане режим имеет запас прочности: в условиях, когда разные институты публичной власти оцениваются отдельно друг от друга, а не как составляющие одного режима, всегда есть возможность переносить ответственность («переводить стрелки») между ними без особых последствий.

Другое следствие проведенного анализа заключается в выявленных эффектах политических предпочтений и потерь от кризиса.

Факт, что противники Путина и потерявшие от кризиса в меньшей степени готовы приписывать ответственность за выход из кризиса институтам публичной власти, позволяет лучше понять основания устойчивости российского авторитаризма. Поскольку именно эта категория объединяет избирателей, у которых есть причины для недовольства (потери от кризиса) и потенциально антирежимные настроения, теоретически они могут быть мобилизованы оппозицией, но поскольку они не атрибутируют ответственность существующей власти, убедить их выступить против нее становится непростой задачей. Иными словами, убедив потенциально наиболее опасную группу в том, что она не имеет к кризису отношения, российская власть смогла избежать значительных репарационных последствий и – в конечном итоге – сохранить легитимность даже в условиях накладывающихся друг на друга долгосрочной стагнации экономики и шока, вызванного пандемией.

Данное исследование показывает, что установление связи между экономическим шоком и действиями публичной власти во многом является политическим действием, а не простой производной от социально-экономических и образовательных характеристик индивидов. Предпочтения россиян в сфере политики определяют угол, под которым они смотрят на состояние экономики и идентифицируют ответственных за антикризисное управление. Дальнейшие исследования в этой области могут помочь раскрыть то, связана ли атрибуция ответственности со значимыми политическими характеристиками (ценности, идеология, психологические черты), а также – может ли более четкая идентификация ответственных привести россиян к готовности «наказывать» публичную власть за провалы в экономической политике.

A.V. Semenov*

The distributed burden: how do Russian's attribute responsibility for handling the economic crisis?

Abstract. In this paper, I explore how Russians attribute the responsibility for handling the economic crisis among multiple political institutions. Previous research

* **Semenov Andrei**, Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Perm State University (Perm, Russia), e-mail: andreysemenov@comparativestudies.ru

established the link between the crisis and electoral results for the ruling party and other regime players, but did not address the question of the responsibility burden's distribution between branches and levels of public authorities in Russia. Using the results of representative survey and a novel instrument – comparative responsibility attribution index, which allows to assess the intensity of responsibility and the ordering of the institutions simultaneously – I demonstrate that Russians singles out the president as a chief responsibly for handling the crisis. Moreover, there exists a tight consensus about his role and place among other institutions. The federal government, the State Duma, and the governors follow his lead with the ruling party and mayors judged as the least responsible. Using spectral decomposition, I also show that Russian voters when it comes to getting out of the crisis also distinguish between the federal and subnational authorities. Finally, the individual-level analysis reveals that gender, age, political preferences, and crisis impact, but its significance carries across target institutions. The study contributes to the growing scholarship on responsibility attribution under autocracies and the ways the voters navigate the institutional complexities of modern polities.

Keywords: economic crisis; responsibility attribution; economic voting; accountability; political institutions.

For citation: Semenov A.V. The Distributed burden: how do Russians attribute responsibility for handling the economic crisis? *Political science (RU)*. 2022, N 2, P. 144–163. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.02.07>

References

- Anderson C.D. Economic voting and multilevel governance: a comparative individual-level analysis. *American journal of political science*. 2006, Vol. 50, N 2, P. 449–463. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1540-5907.2006.00194.x>
- Beazer Q.H., Reuter O.J. Who is to blame? Political centralization and electoral punishment under authoritarianism. *The journal of politics*. 2019, Vol. 81, N 2, P. 648–662.
- Bisgaard M. Bias will find a way: economic perceptions, attributions of blame, and partisan-motivated reasoning during crisis. *The journal of politics*. 2015, Vol. 77, N 3, P. 849–860. DOI: <https://doi.org/10.1086/681591>
- De Vries C.E., Edwards E.E., Tillman E.R. Clarity of responsibility beyond the pocket-book: How political institutions condition EU issue voting. *Comparative political studies*. 2011, Vol. 44, N 3, P. 339–363.
- Duch R.M., Stevenson R.T. *The economic vote: how political and economic institutions condition election results*. Cambridge: Cambridge university press, 2008, 418 p.
- Javeline D. *Protest and the politics of blame: the Russian response to unpaid wages*. Ann Arbor: University of Michigan press, 2009, 312 p. DOI: <https://doi.org/10.3998/mpub.17850>
- Hobolt S., Tilley J., Banducci S. Clarity of responsibility: How government cohesion conditions performance voting. *European journal of political research*. 2013, Vol. 52, N 2, P. 164–187. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.2012.02072.x>

- Hollyer J.R., Rosendorff B.P., Vreeland J.R. *Transparency, democracy, and autocracy: Economic transparency and political (in) stability*. Cambridge: Cambridge university press, 2018, 396 p.
- Hood C. *The Blame Game*. Princeton, NJ: Princeton university press, 2010, 240 p.
- Russian economic report: from recession to recovery. Washington D.C.: World Bank Group, 2017, 52 p.
- Russian economic report: modest growth ahead. Washington D.C.: World Bank Group, 2018, 48 p.
- Sirotkina E. How biased media generate support for the ruling authorities: causal mediation analysis of evidence from Russia. *European journal of communication*. 2021, Vol. 36, N 2, P. 183–200. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F0267323120966840>
- Tilley J., Hobolt S.B. Is the government to blame? An experimental test of how partisanship shapes perceptions of performance and responsibility. *The journal of politics*. 2011, Vol. 73, N 2, P. 316–330. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0022381611000168>
- Key V.O. *The responsible electorate. rationality in presidential voting, 1936–1960*. Cambridge: Harvard university press, 1966, 158 p.
- Kramer G.H. Short-term fluctuations in US voting behavior, 1896–1964. *American political science review*. 1971, Vol. 65, N 1, P. 131–143. DOI: <https://doi.org/10.2307/1955049>
- Malhotra N., Kuo A. Attributing blame: the public's response to Hurricane Katrina. *The journal of politics*. 2008, Vol. 70, N 1, P. 120–135. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0022381607080097>
- Orth D.A. Accountability in a federal system: the governor, the president, and economic expectations. *State politics & policy quarterly*. 2001, Vol. 1, N 4, P. 412–432. DOI: <https://doi.org/10.1177/153244000100100405>
- Powell G.B., Whitten G. A cross-national analysis of economic voting: Taking account of the political context. *American journal of political science*. 1993, Vol. 37, N 2, P. 391–414. DOI: <https://doi.org/10.2307/2111378>
- Robertson G.B. *The politics of protest in hybrid regimes: managing dissent in post-communist Russia*. Cambridge: Cambridge university press, 2010, 304 p.
- Rogov K. (ed.). *Stagnancy-2: Outcomes, risks and alternative for Russian economy*. Moscow: Liberal Mission, 2021, 80 p. (In Russ.)
- Rosenfeld B. The popularity costs of economic crisis under electoral authoritarianism: Evidence from Russia. *American journal of political science*. 2018, Vol. 62, N 2, P. 382–397. DOI: <https://doi.org/10.1111/ajps.12338>
- Rudolph T.J. Institutional context and the assignment of political responsibility. *The journal of politics*. 2003, Vol. 65, N 1, P. 190–215.
- Rudolph T.J. The meaning and measurement of responsibility attributions. *American politics research*. 2016, Vol. 44, N 1, P. 106–30. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F1532673X15595460>
- Semenov A.V., Shevtsova I.K. Presidentialism and responsibility attribution for economic hardships in Russia. *Political science (RU)*. 2019, N 4, P. 195–215. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.04.07> (In Russ.)
- Sirotkina E.V., Semenov A.V. Economic crisis and the assessment of public effectiveness: who bears responsibility for the economic downturn in Russia? *The journal of*

social policy studies. 2019, Vol. 7, N 2, P. 191–206. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-2-191-206> (In Russ.)

Sirotkina E, Zavadskaya M. When the party's over: political blame attribution under an electoral authoritarian regime. *Post-soviet affairs*. 2020, Vol. 36, N 1, P. 37–60. DOI: <https://doi.org/10.1080/1060586x.2019.1639386>

Литература на русском языке

Застой-2: Последствия, риски и альтернативы для российской экономики / К. Рогов [и др.]; под ред. К. Рогова. – М.: Либеральная миссия, 2021. – 80 с.

Семенов А.В., Шевцова И.К. Президентализм и атрибуция ответственности за экономическое неблагополучие в России // Политическая наука. – 2019. – № 4. – С. 195–215. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.04.07>

Сироткина Е.В., Семенов А.В. Экономический кризис и оценка эффективности власти: кто несет ответственность за ухудшение уровня жизни в России? // Журнал исследований социальной политики. – 2019. – Т. 17, № 2. – С. 191–206. – DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-2-191-206>